

Шульц несли ко К

13.12.1984

Соб. редакция, 1984, 13 сек

РАДИООБОЗРЕНИЕ

ДО НОВЫХ ВСТРЕЧ, «МАЭСТРО»!

«МА-ЭСТР-О» — маленькое эстрадное обозрение — так называется новая радиопрограмма.

Ее сразу заметили слушатели.

Каждый выпуск начинается с шуточной саморекламы. При помощи фонографического эффекта многократным эхом отзывается слово «маэстро», что дает повод автору и ведущему передачи Сергею Дитятеву не без иронического пафоса воскликнуть: «Ого, передача еще не началась, а уже какой резонанс!»

Резонанс не только фонографический, но и общественный, а также аплодисменты — это то, что всегда необходимо артистам. И создатели передачи по праву заслужили внимание. Передача действительно интересна хотя бы тем, что благодаря ей мы лишний раз повстречались с такими маэстро, как Клавдия Шульженко, Мария Миронова, Никита Богословский, Раймонд Паулс, Геннадий Гладков. И мы не просто с удовольствием вспоминаем о том, что уже прошло в эфире, а и предвкушаем новые встречи с этим маленьким эстрадным обозрением. Иными словами, интригует судьба программы.

О судьбе есть смысл подумать у ее истока, чтобы избежать участи многих благих начинаний.

Молодая эстрадная программа уже сегодня стоит на перепутье.

Как сказочный герой.

Перед ней расстилаются две дороги, равно соблазнительные. Одной пойдешь — придешь к традиционному эстраднему концерту, номера которого будут соединены более или менее живым конференсом. Пойдешь другой — приобретешь передачу, содержанием которой станет творческий отчет какого-либо популярного артиста.

И то, и другое привычно, не раз бывало.

Интересно то, что нам предложили: эстрадный спектакль с музыкальной драматургией, с интригующим сюжетом, с талантливыми исполнителями главных и эпизодических ролей.

В выпуске программы, где роль маэстро сыграла незаб-

венная Клавдия Шульженко, основным драматургическим мотивом спектакля стали воспоминания, их поэзия.

Звучат старые песни в молодом исполнении Клавдии Шульженко. Воспроизводятся трогательные строки из писем поклонников. Сергей Дитятев подходит к роялю, когда-то подаренному Клавдии Ивановне самим Шостаковичем. Мы слышим голоса старых и новых друзей певицы: Утесова, Райкина, Пугачевой, Кобзона. Мы прислушиваемся к роялю, который «набрасывает» узоры знакомых мелодий — «Записка», «Три вальса». Из всего этого ткется прозрачный покров воспоминаний, под которым проступает другая интрига. Ее завязка обозначается с первой песней «Сколько мне лет...». Лирическая героиня обращает в шутку не совсем тактичный вопрос: лет столько же, сколько и зм... Но затем шутка оборачивается серьезностью. Героиня песни в нашем восприятии естественно сближается с самой исполнительницей, которая, как мы знаем и помним, никогда не отрекалась от возраста, но всегда с ним спорила своим мудреющим с годами лирическим даром. Она была зарачительно молодой в молодости. Как опять же ее лирическая героиня Чилита. Тема бесшабашной и безоглядной молодости принимает драматический оборот в песне, исполняемой Аллой Пугачевой («Эти летние дожди»). Романтическое ощущение чистоты и свежести летнего дождя кажется непрочным, проходящим... Загущает музыка. А новый импульс лирической теме дает песня, исполненная Иосифом Кобзоном, «Не оставляет нас любовь». Затем звучит запись утесовской песни, где снова воспевается молодость сердца. Чем всегда согревал Утесов? Мужественностью лирики, большим запасом душевной прочности. В его песнях было обаяние надежности лирического чувства.

Это понимаешь в минуты перепадов от нашей бывлой песенной лирики к ее сегодняшнему дню.

Это особенно ясно понимаешь, когда пространством передачи вновь овладевает Клавдия Шульженко. Звучит запись одной из самых ее прониновенных песен — «Мама» М. Табачникова. Песня о чувстве, не знаящем возраста. Это кульминация темы. За ней — развязка: песня о морщинах. Как всегда, у Шульженко шутивно-серьезный разговор о секретных молодости с характерными, наверное, только для нее интонационными переходами — от интимной доверительности к патетике.

Передача, смонтированная из множества музыкальных фрагментов, воспринимается как нечто целостное, самостоятельное. Что это дает? Что прибавляет к тому, что мы знаем о наших признанных маэстро? Казалось бы, ничего, но хорошо известное, давно памятное мы переживаем живо и особенно остро.

Скетчи Марии Мироновой и Александра Менакера, конечно, у многих на памяти. И, конечно, памятен гротесковый характер дарования Марии Владимировны Мироновой. И, конечно, помнятся лирические отступления, лирические прологи и эпилоги в спектаклях, иггранных Мироновой и Менакером. Но тогда, на эстраде, в живом исполнении эти два плана дарования — лирическое и сатирическое — казались самостоятельными по отношению друг к другу. И как бы независимыми друг от друга. За лирической песенкой следовала острая пародия. Или наоборот, за карикатурой возникало добродушное «моральное».

Но вот в эфире — программа «Маэстро», где в главной роли Мария Миронова и где усилиями автора и режиссера господствует лирическая стихия воспоминания. И мы непосредственно ощущаем, как взаимосвязаны в искусстве актрисы поэзия доброты и резкость сатирических приемов. Не по праву соседства присутствует то и другое, по праву внутреннего родства. Не одно следует за другим, а одно побуждается и подвигается другим: облич-

ительный пафос — живым сочувствием. Об этом можно было догадываться и прежде. Но драматургически организованная, поставленная режиссером, сыгранная исполнителями встреча с маэстро Марией Мироновой делает эту догадку обоснованным заключением.

Про достоверно играющих актеров принято говорить, что они не играют. По-моему, это сомнительный комплимент. Подозреваю, что актеры играют даже тогда, когда говорят с нами от своего имени. Вопрос в том: хорошо или плохо они играют самих себя?

И Миронова, и Шульженко играли свои роли хорошо.

Поскольку есть роль, то должен быть и образ. Разумеется, неповторимый. Шульженко создала образ мудрой молодости, Миронова — душевной доброты.

Когда на роль маэстро приглашается непрофессиональный актер, задача авторов программы усложняется, но, как показал опыт, не является неразрешимой.

Показала это программа с Раймондом Паулсом. Это, кстати, один из лучших выпусков «Маэстро». Тут более значима роль ведущего, исполняемая Сергеем Дитятевым. Здесь он не просто подыгрывает маэстро, подает реплики. Здесь у него есть соло. Я имею в виду не только словесный конференс, но и его работу с магнитной пленкой, которую он членит и монтирует, создавая из известных музыкальных фраз новую композицию. Это отчасти похоже на то, что делает за роялем сам Раймонд Паулс, импровизирующий на темы популярных мелодий.

Паулс умеет сочинять мелодии и любит «перелистывать», припоминать мелодии, сочиненные другими известными композиторами. В своих импровизациях за роялем он как бы смакует любимую мелодию.

Вот это есть и в самой ткани передачи к Паулсу — вкус к той непринужденной артистичности, что питает искусство импровизации.

Образ маэстро импровизации играет в программе не одним Паулсом. Автором написана, а режиссером поставлена «песа» для двух инст-

рументов — рояля и магнитной пленки.

Как ни странно, удача такой программы, как «Маэстро», где многое решают непологов, во многом зависит и от точной, хорошо сбалансированной драматургической основы. Хочу быть правильно понятым. Речь идет не о песе в привычном значении этого слова. Подразумевается скорее музыкальная пьеса, где должно существовать выразительное соотношение мотивов, развивающих основную тему.

Слабости этого порядка, на мой взгляд, определили неполную удачу выпуска программы, где роль маэстро исполняет Геннадий Гладков. Тут было многое верно найдено. Точно понята особенность музыки этого композитора — ее театральность, тяга самого автора к сотворению своего рода музыкальных масок, забавных и фантазмагорических, его искусство «нагнетать» настроение сценического волшебства, даже когда автором создается музыка для фильмов, — вспомним хотя бы музыку к картине «Обыкновенное чудо».

На этом строится «песа». Но не все мотивы ее до конца проявлены, выразительно поданы. Искусственными выглядят сюжетные ходы вроде «кинотеатра музыки Гладкова» или игры в угадку — угадать надо исполнительницу песенки в фильме «Стоянка поезда две минуты».

И как только ослабевают нити и узы задуманного сюжета, начинается ткаться другой сюжет, увы, другой передачи — передачи о творчестве композитора Г. Гладкова, где песни из фильмов и театральные спектаклей связаны более или менее живым конференсом.

Это тот путь, о соблазне которого говорилось в начале заметок.

Некогда на телевидении была создана многообещающая эстрадная программа «Бенефис». Она в конце концов соскользнула на этот запасной путь и не сумела вернуться на основную.

Тень погубей передачи предупреждает об опасности.

Юрий Б. ГОМОЛОВ.